

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Тепло из оранжевой дежки
Ползёт, превращаясь в хлеба
Озимой зелёной замешки,
Которую ждёт молотьба.
За мной стародубские улки,
Старинной России ключи.
Хоромы, как белые булки
И красные, как калачи.
Врастают в замочек озёрный
И в свадебный парка замок.
Закрытый на слог непокорный,
Стоит на дубах городок.
Гуляет в неведомом веке,
Где горлинка вместо часов
Своим воркованьем сусеки
Времён заперла на засов.
Сиянье церквей и пророков,
Чья неоспоримая власть,
От самых корней и истоков
До крон голубых разлилась.
В канун Вознесенья Господня
Молился тут царь Александр.
И архимандрит, как угодник,
Из прошлого смотрит на чад.
Намедни, в день грозной охоты

Ильи на зловещих врагов,
Служил для крылатой пехоты
Обедню отец Куликов.

.....
Гадает здесь дед на планету
И проклинает солох,
Что ступу вдруг на лисапету
Сменили под переполох.
Аж в Киеве начался шабаш
Сородичей их в декабре.
А ныне собираются замуж
За чёрта на Лысой горе.

.....
Сюда забредали поляки,
Тут шведы ложились костью.
И с Фаустом шли забияки,
Не зная, что с Фёдором мы.
Что лучше им в день Стратилата
В колодцы Руси не плевать.
Коль каждая здешняя хата,
Из брёвен сложенная рать.
Плетень здесь отважный опричник,
Покрытый глазурным горшком.
Фигурный кленовый наличник
Вражине грозит кулаком.
Тут разные бродят идеи,
У каждой родной диалект.

И носят кресты иудеи
На всякий удобный момент.
Сюда брёл с товаром Чернигов,
Бил Киев старшинам челом.
Торговлю России град двигал
На Запад, порой напролом.

.....
Древнейшее всё, и не надо
Бояться себя и людей.
Язычество тоже ограда
Церквей и весёлых затей.
В нём нрава добро не иссякло,
Помельче не стала душа.
И правильно б было, двояко
На всё поглядеть не спеша.
К попам утекают обряды
Из майских берёзовых рощ.
В церковные требы-цитаты,
По-русски звучащие сплошь.

.....
Сто лет украинскую степу
Мир мерял на здешний аршин.
Ведь гетман, сменивший Мазепу,
Был из стародубских старшин.
Сюда убежали из Сечи
И в Сечь отправлялись отсель.
Смешались тут речи и плечи,
И соки славянских земель.
Молодки одеты по-бабьи,
Над городом солнца венки.
И рынок стихийный, как табор,
От сглаза вкушает чеснок.
А мимо проносятся фуры
Со здешним зерном для сябров.
И буквицы, как партитуры,
Симфонии русских хлебов.
Во всём поединок сердешный
Язычников и христиан.
Коль самый бессмертный и грешный,
Российский мужик, а не пан.
На улицах «Слова» потомки;
Бывал тут князь Игорь и Пётр.
Уже никакие ермолки
Не скроют двухвратный киот.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Цепляя тенетник, во вторник,
Судьбой нам отпущенный день,
Мы к родичке едем, и дворник
Спит после дождливых недель.
Бегут, обгоняя пригорки,
Румяные клочья дубрав.

И аисты ищут иголки
В стогах засыпающих трав.
На гусли похожие веси,
Звон струн и цветных проводов.
Помазано жиром Полесье
Гусиным в канун холодов.
У самой окраины смерчи,
Без бород пока, малыши.
От куц Суража и Унечи
Мы катим наш камень с души.
Дымится дорога - рокада,
Леса, будто замерший фронт.
Я чувствую, как будет рада
Сестра от своих же щедрот.
Давно приглашала, волнуясь;
Я всё же двоюродный брат.
У каждого вещая юность
Кормила растущий талант.
Мне муза приснилась, а деве
Мудрец, зарифмованный в нимб.
Мы поняли сразу, что делать
В то время гнилое, как гриб.
Да Господу слава, грибница
Ждала пробужденья в листве.
Лишь стоило ей помолиться
О новом святом Рождестве.
Осталось волшебное чувство,
Что ей был знаком тот старик.
Вдруг вспомнила Оптину Пустынь
И с белой бородкой лик.
Потомок церковных фамилий,
Она там дрожала как лань.
И на руку старец ей Илий
Тепло возлагал свою длань.
К ней ангелы вскоре прислали
Болезненного земляка.
С избранницей вместе читали
Акафист, чтоб наверняка
Встал вместе с Россией и в славу,
С небес снизошедшую вдруг,
Поверил, как будто в Варавву,
Простой арамейский пастух.
А ей образины и лики
Привиделись там, на тропе,
Где вещая баба в тунике
Рыдала в голгофской толпе.
Да кто же она и откуда –
Из Библии или баллад –
Наперсница высшего чуда
Из славной плеяды Кассандр.
Все ищут заветное имя,
Как в Книге какой перемен.
Его обозначу простыми

Латинскими знаками N...
Нет даже приличного сайта,
Зачем – вся Россия портал.
И каждый по мере таланта
На небе хоть раз побывал.
Вчерашняя алгебраичка;
Задачки на игрек и икс.
Пока что не тройка, а бричка
Несётся то ль вверх, то ли вниз.
Вон чуточку не обернулась
Меж порванных русских страниц.
Где речка до Киева вздулась
И ждёт крови рыжих телиц.
Библейская жертва-корова
Не только еврейский кумир.
Моё пограничное слово
Услышит ещё Русский Мир.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Гай вдоль Украины, дорога,
В штакетниках синих село.
Сестрица, заложница слога,
Заране всё знает зело.
Гостей обнимает натужно,
Вся сила ушла в естество.
Я думаю, мудрым не нужно
Стих долгий читать про родство.
К нам из оцифрованной клетки
На плечи слетает: «Ку-ку»!
Пускай посудачат соседки,
Сжигая в ладонях клюку.
На грудь я кудесницы нашей
Склоняю свою седину.
Когда-то с ней пшённою кашей
Кормили мы душу одну.
Да что я про прошлые сыты,
Стол ломится ныне от яств.
У самой границы событий,
Заветная встреча сбылась.
Лишь сладкие льются названья
Из горьких хозяйкиных уст.
Коль русские цену свиданья
Всегда ощущают на вкус.
Мой зять громоздится от чарки
Подальше, мужик за рулём.
Унюхают тут же овчарки
Двух родин, чем пахнет приём.
Хозяйка – простая вещунья,
Бог знает – чей слушает зов.
Что видит она в полнолуны
Меж ангелов белых и сов.

Хотя я сомненьем измучен
В канун Рождества в январе.
Никто до конца не изучен
На этой проклятой земле.
Сколь всяких налогов и пошлин
Взимает и царь, и дьячок.
Чтоб сахар почуять горошин,
Солёный луцу я стручок.
Не надо взамен мне ни денег,
Ни всяких почётных чинов.
Ведь рамкой сумел академик
Прощупать меня до основ.
Назвал био сотые доли
Полковник из супер НИИ.
Услышал потайные боли
И жалкие думы мои.
Я счёл бы осмотр балаганом,
Коль мэтр не служил бы врачом
В отряде, где славой Гагарин
Сравнился с вторым Ильичом.
Немало имел оснований
Икаров любить тот Дедал.
Увы, и под лаврами званий
От знаний он страшных страдал.
Мыслители тоже букашки
С упрямой гордыней своей.
На даче его барабашки
Визжали как стадо свиней.
Пока на Алтае у ламы
Учился летать без крыла.
По чёрным законам рекламы
Там буйная нечисть жила.
Наука совсем не наука,
История сказка и ложь.
С того человечество скука
Бросает в оккультную дрожь.
Я видел подвыпивших бабок
И трезвых, как стёклышко дня.
Сколь всяких болячек и скабок,
Они извлекли из меня.
Доселе невиданным слогом,
Что вводит как будто бы в транс.
Насколько рифмуется с Богом
В народе бытующий глас.
Гнездятся святые кордоны,
И каждый из нас Маковой.
Мы разных калибров патроны
В подсумках общин и церквей.
Наш час лобызаний сгорает
Быстрее, чем зятев бензин.
Всё чаще звонок заставляет
Сестру жать на жёсткий режим.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Народ к ней съезжается всякий;
В мундирах, куфайках, джинсе.
Срывающий розы и маки,
В базарном крутятся колесе.
Нагрязнут случайные охи,
Никак не скрываемый стон.
Являются местные боги,
С трудом вспоминая канон.
Везут на коляске подростка,
Не кровь, а сплошной промедол.
Пацан чрез минут девяносто
Забить уж старается гол.
А бывший бездетный водила,
Кого половина вконец
Упрёками ночь изводила,
Теперь и супруг, и отец.
Ещё он шофёр добровольный
Лекарихи, должный по гроб.
Над ним на селе толоконный
Лишь может потешиться лоб.
То в церковь, а то и в больницу
Доставить соседку готов.
Кто ловит чужую Жар-птицу,
Тот сам-то потом не здоров.
Вбирая наветы и хвори,
Спасая от слов и косы.
Он знает, проклятия воры
Уж шепчут в платки и усы.
Стоит перед солнцем босая,
Сникает пред полной луной.
Пока что обходит косая,
Хоть трётся о стену спиной.
Все мерзости шушеры чует,
(Был разговор даже на кровь).
В больничной палате врачует
Пришедших с мольбой докторов.
Кто тут пациент, а кто лекарь,
Сам чёрт уже не разберёт.
Мир отдан на откуп калекам
На тысячу жизней вперёд.
Хотела бы чуда для сына,
Чтоб беды сумел превозмочь.
Жаль, знахарка напрочь бессильна
Наследникам кровным помочь.
Когда-то, почти как у Ванги,
У дома с утра номера.
С Урала приехали шаньги,
С Кавказа – вино хванчкара.
То кольца, то ромбы, телеги,
Подшипниковый самокат.
Тут точно свихнулся бы Гегель
И ногу сломал бы сам Кант.
.....

Гадалка не глупая птица,
Гребущая груди к себе.
Тут главное не возгордиться
Назло золотой гольтьбе.
.....
Сегодня не те оболочки
И страждущий путник не тот.
За рабицей вянут цветочки,
Отава желта у ворот.
Другие плоды и пристройки,
Веранду увил виноград.
Ушли её Кости и Кольки
Искать свой зарытый талант.
От прежнего целая четверть
Отмерена громких годков,
Сжевавших под пьянь *Пиночета*
Страну, будто стадо быков.
Подобранных нам конституций
Под диким забором европ.
Так жалко людей и настурций,
Увядших и загнанных в гроб.
Пред нами священный экватор,
Иль лучше по-русски - порог.
Сюда заезжал губернатор
И в дом заходил без сапог.
Прознал – проявлялась Матрёна,
Свечой восходил Николай.
От слов розовела икона,
Как самый святой каравай.
Стоял он в молельне с супругой,
Поймавшей счастливый свой миг,
Измученный внутренней мукой,
Код новой эпохи и штрих.
С тех пор губернатор в фаворе
У самых блестящих вершин.
С огнём окунается в море
Финансов, людей и машин.
Народ, как ни странно, доволен;
Есть польза и даже прирост.
И угол, что предком намолен,
Давно не спешит на погост.
Остались сомненья в клетушке,
С теплом изразцов и икон.
Вы б знали, в какие игрушки
Играет и власть, и закон.
Уверены даже вельможи,
Владельцы дубрав и грунтов.
Сторожа всё ж лучше ворожи,
Как с детских я знаю годов.
От мамы Натальи Петровны,
Ушедшей в иные края.
Блюла и в гоненья церковный
Обычай родная семья.
Хранила тайком в шифоньере,

По местному – в жёлтом *шкату* –
Хоругви, по собственной вере,
Не дав изрубить их в щепу.
А в голод поболее комбеда
Делилась с народом куском.
За то, что священника деда
Хотели сожрать целиком.
Все эти пустые прохвосты
С ворованным златом-тряпьем.
Вот русские вам холокосты
И войны все наши потом.
Возможно, сперва трепетали,
Но, чуя, где зиждется дух,
Мы уж не боялись опалы
Взбесившихся красных старух.
Не храмом в канун оглашенный,
Кричал, промокая, хомут,
Висевший с печатью на шее
И сельских ногах вместо пут.
Пред крыл непорочных по фене,
Вновь пьяный, *как кажут тут – в хлам.*
Где ныне теперь те портфели,
Столетье вредившие нам.
Отсюда возможность сестрѐнки
И мой поэтический дар.
Бог бросил свои нам страховки
Чрез весь обомлевший пожар.
Осыпанный вволю стихами,
Молюсь на славянский кордон
О самом вместительном храме
На сто миллионов персон.
Мне родичка вряд ли поможет,
Поэту не нужно подпор.
Коль муза моя всё моложе,
И вещей всё пристальней взор.
Направо в пригорках дуброва,
Налево дымится стерня.
Осколки зеркальные Слова
Впиваются чудом в меня.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Поэт современный, не Нестор,
Перо окунаю в виры,
В которых замешано тесто
Пророчеств не только сестры.
Туда просочились грибницы,
Как древних компьютеров связь,
Подземной глубокой темницы
И неба слезящихся глаз.
Московских берѐз и окраины
В лихих оселедцах дубрав.
Виров не зажившие тайны

Полны панацей и отрав.
Стекаются синие жилки
В них прямо из Северских стран.
Пьянящие пуще горилки
Язычников и христиан.
У тех и других слышу примесь
Шипящих глотаемых слов.
Тут унией подлой на вынос
Литва вела торг, будь здоров.
С тех пор с балалайкой напряга
У вечно ослепшей кобзы.
Бурлит буряковая брага,
Ячмень дует пиву в усы.
Хоть ближний хохол не католик,
За стойкой в шинке не кацап.
Но всё ж на Ивана, как кролик,
Глядит с подозреньем Остап.
Вон небо белеет от злости
Над будто засечным жнивьем.
И лезут с картошкой кости,
Пылая таким же огнем.
Ужами тут ползают меж
Раз в век под гудящий галоп.
То русским становится Нежин,
То в мову вобьют Конотоп.
Сражаются братья за гумус,
Лоснящийся жиром глубин.
А всё остальное лишь глупость,
Придуманная для былин.
Всегда выставляла нам дуло
Украина за лакомый кус,
Губа у соседа не дура,
Как, впрочем, не дура и Русь.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Пора бы с главой в сонм пророчеств
Нам броситься, будто в огонь.
Пока без имѐн и без отчеств,
На кои наложена бронь.
Всех мистиков предупреждаю,
Шлю бабам базарным привет.
В поэме своей оглашаю
Прозрения множества лет.
Россия столетья сокрыта
Под спудом не сказанных слов.
Боясь превратиться в корыто
Из пушкинских вещей стихов.
Приблизилось важное время,
Обещанный явлен нам вождь.
Уж можно потайное бремя
Сказаний пролить через дождь.
Пускай напоятся грибницы

И тайны свои отдадут,
Что густо у русской границы
С годами всё более прут.
Ведь в сказках чудесных недаром
Волхв явлен герою как гриб.
Природа пропитана паром
И заговоров, и молитв.
То сущности лишь мироздания,
У каждой архангел в верхах.
Страна без святого преданья,
Избушка на курьих ногах.
Цари и правители в курсе,
(Полковник мне сделал намёк).
Да что говорить, коль бабуси
И те понимают зарок.
За Богом поэтому смело
По скользкой дороге иду.
Чтоб родина не овдовела
Ещё на одну вдруг звезду.
Сам многое видел и чужал,
Крещённый в посёлке Бытошь.
Порой выживающий чудом,
Попав под патроны и нож.
Рвал крупноячейные сети,
Плевал я на злую золу.
Да так, что все местные ведьмы
Боялись вновь сесть на метлу.
Ко мне звали бабушку Киргизку,
Лечившую мир испокон.
Я даже вступал в переписку
С казахскою Верой Лион.
Её мировые прогнозы
На многих гуляют волнах.
Боятся её мафиози
И лысый, как чёрт, олигарх.
Призналась, пророку под дубом
Легко от подлузских поэм.
Что ждёт меня под Стародубом
Какой-то особый тотем.
Поведала мне от начала
Весь путь мой, до... скажем, ага...
С душевным подъёмом вещала
Про будущие *берега*.
Да в каждой газетной поездке,
Откуда-то, только держись,
Поэту строчила повестки
Другая наука и жизнь.
В эпоху духовных объедков
Крест мой был тяжёл, как бетон.
Лежал среди выцветших предков,
Впечатанных в толстый картон.
Чем больше тогда проявлялась
Сквозь тину словес параллель.

Тем чаще душа озарялась
Сияньем небесных земель.
Есть чем поживиться зоилу.
Взойдя на Владимирский тракт,
Который ведёт не на виллу,
А в тихие странности хат.
За синий весёлый штaketник,
Где на перекрёстке дилемм
Кой год обитает советник
Моих оглашённых поэм.
Читатель, прости мне; всё ближе
К тебе приближаю я суть.
Искал её в северной Ижме,
Взрастившей ушедшую чудь.
На юге степном у Одессы,
Где что ни старуха – яга.
Служили лихие повесы
Ей, спрятав под кепки рога.
Был там я, где грохнул Чернобыль,
Аж ногу России свело.
Светил на Урале мне соболю
Глазищами от НЛЮ.
Печора горела от взрыва,
Ветвясь и сгибаясь, как рог
Олений; сколь видел я дива
На углях кюри-катастроф.
Ну, словом все стороны света
Хранят и беспечность, и страх.
Русь точно сильнее Тибета
С печатью богов на устах.
И если неправильно буквы
В пасьянсе разложены вирш.
Рождаются мрачные буки,
Иль песни про ночь и камыш.
Чтоб рифма моя расцветала,
По-пушкински, будто заря,
Мне главный редактор прислала
Вид псковского монастыря.
Священный рождественский случай
Добавил добра чудесам.
Век зная, насколько измучил
Стопу, я иду к образам.
О чём мне просить, Вседержитель,
Всё есть; и перо, и кусок.
И слава тебе, что я житель
Твоих золочёных чертог.
Гляжу на души отпечатки,
С узорами льда и огня.
Боюсь, что поэма на святки,
Посмеет прищучить меня.
Конечно, срывается с клавиш
Опасность уйти через *чур*.
Но ты ведь давно меня знаешь,

Врага всевозможных халтур.
С того и петляю, как заяц,
Пред носом творений своих.
Власть радуясь, мучаясь, каюсь,
От лёгкой иронии рифм.
Ищу занимательный стержень
За гулкой стеною примет.
И чувствую небо, понеже
Я посланный им же поэт.
Сейчас за труднейшую тему
Я взялся, как вол тот за гуж,
С молитвами лезу на стену
Меж светлых и стонущих душ.
Прошёл и прополз испытанья,
Где вузы лишь отдых от дум.
Ах, знала бы мама Наталья,
Как сын её брался за ум.
Зачем объявлялись погони
За ним по дерзанию бонз.
И чёрные хищные кони
Впрягались в страдальный обоз.
Поэмы теперь уже проще
Коснуться, набравшись речей,
К ней я продирался на ощупь
Сквозь толщу проклятых ночей.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Поэзия тоже морока,
Улаживай это и сё.
Как хочется мне без упрёка
Взять в руки перо как косьё.
Коса, да не та, а живая,
Кусает хлеба и быльё.
Останешься без каравая,
Коль сунешься под остриё.
Ложатся валки вдоль границы,
Не вовремя выдалась сушь.
Колосья отборной пшеницы,
Как символы русские душ.
Уходят одни урожаи,
Другие бегут в закрома.
Вся жизнь у границы стяжанье
И славы твоей, и ума.
О том много раз мы с сестрою,
Как ныне, вели разговор.
И часто по-русски, не скрою,
Чуть-чуть подпускали мажор.
– В Исландии кончились саги,
Во Франции умер Роланд.
А мы до морковкиных загвен
Ещё покрасуемся, брат.
– Скажи мне хотя бы, кто Путин,

От Бога, иль может быть, так...
И быстро ль его мы забудем
В пылу интервенций и драк?
Уж больно и справа, и слева
Распелся немыслимый хор.
И странно молчит королева,
Глотая парламентский вздор.
Всё больше в России Китая,
Всё меньше славян на крыльце.
И тень уж царя Николая
Мерещется в Зимнем дворце.
Неужто великая смута
Преступит завет – не убий.
А ближний украинский хутор
Купить вдруг осмелится Вий.

.....
*- Начну с Украины, пожалуй,
С подбритым её гребешком.
Яна, як там кажуть, пужая
Россию дырвявым мешком. –*

.....
Я мовы не шибкий ценитель;
Желая народ свой сберечь,
Решил упразднить сочинитель
Прямую сестринскую речь.
Отпетые украинизмы
По-своему то ж хороши.
Но всё ж не для русской харизмы
И образной нашей души.
Хотя тут на оба простора
Единых словечек и слов
Хватает для общего хора
И даже на общую кровь.
Откуда ж взялась беспощадность,
Истребованная на бис.
Тут жалость в фаворе, там жадность,
С того не рифмуется жизнь.
А злая ухмылка – *побачим*,
Кой в праздник богат макогон.
А лишний на свадьбу кабанчик,
Как лычка хохлу на погон.
Всё ж киевское материнство
От мата, а не *от титькі*.
Какое быть может ехидство,
Когда у границы полки.
И факельщики у Бандеры,
Касаясь огнём его лап,
На Брянск и на Курск бэтээры
Послать заставляют генштаб.
А тот хладнокровно потери
В железный забил ноутбук.
Совсем уж глухие тетери
Отбились от собственных рук.

Упёрлись соседи-бараны,
На узком кленовом мосту.
Наносят глубокие раны
Рогами, в кошарном бреду.
Руно одного победнее,
До моря свисают клоки.
И чешет Европа-Медя
В Карпатах свои кулаки.
Согнулись кленовые доски,
Не трудно скопытиться в щель.
Таскают овечки обноски
По странам, не слыша свирель.
Собирают вселенскую зелень
И пастбищ родное былье.
А искры от сшибки бьют в темень
И падают мне на косьё.
Сейчас бы наведаться в Лавру,
И в «Повести временных лет»
Увидеть грядущую славу
И князем убитый обет.
Возможно, предсказывал Нестор,
Что свадьбу начнут с топора.
И брошена будет невеста
В пучину седого Днепра.
Пять лет продолжается пытка,
Добьются братаны-враги:
Украина, как белая свитка,
Уйдёт по частям на торги.
На биржу к румынам и венграм
Примчится с бумагами лях.
Как пахнет уже прошлым снегом
На малороссийских полях.
К таинственной *антивечёре*
Лопатки уйдут и филей.
Останутся кости и череп
С зубами гнилых кораблей.
Мудрёный развёрнутый образ
Похож, но не так уж и мил.
Услышав пророческий голос,
Я целый сюжет сочинил.
Как долго мы будем бодаться,
Не знаю ни я, ни сестра.
По-прежнему в силе там Вацман
Под маской святого Петра.
Теперь пару слов о Китае;
Пред ним даже Трамп мелковат.
Катает и не обкатает
На пошлинах пошлый контракт.
Весь свет, как китайский болванчик,
Смиренно глядит на Пекин:
Что скажет на съезде докладчик

Товарищ и друг Си Цзиньпин.
Когда-то пугали нещадно
Востоком родную страну.
Вещунья почти обещала
В те годы большую войну.
Да выдохся слух понемногу,
Как гостем возделанный лук.
Подобный в норе осьминогу,
Он краски меняет и дух.
России Китай уж не страшен,
Хоть в силах оттяпать кусок
Давно обихожённых пашен,
Забредших на Дальний Восток.
Дракон нам показывал зубы,
И огонь на Уссури-реке.
Теперь курит синие трубы
И пьёт на границе сакэ.
Причина простая, свой кормчий
Есть ныне у древней Руси.
Тут хочешь войны или не хочешь,
Пощады потом не проси.
Подправил историю Путин,
Великим став в ней и благим.
Он в Киев ещё, как Ватутин,
Войдёт под отеческий гимн.

.....
*– Поэт уже стал улыбаться,
Не веря в реальность рассуд.
Послушай-ка, милый мой братец,
Меня ещё десять минут.*

.....
Ты видишь пока лишь ошмётки
Бушующих в мире страстей.
На каждом земные колодки,
Подарки не званых гостей.
Всего никогда не расскажешь;
Россия сама не своя.
С её нескончаемым стажем,
Помноженным на векселя.
Поможет в свой день чудотворец
Народу, святой Серафим.
Дохнет от Москвы до околиц
Теплыню Рождественский Крым.
Сестре не завидуй особо,
Тяжёлую лямку тяну.
Ведь вещие сны и хвороба
Стоят на едином кону.
Не надо нам слава и почесть,
Жизнь вся отдана под залог.
Мы жрицы и жертвы пророчеств,
От светлых Матрён до солох.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

У речки бурливое устье,
У встречи с порога свой слог.
До самых последних напутствий,
Таящих неведомый вздох.
Слезливые речи и сборы
Остались за синей чертой.
Блуждающие светофоры
У будки из плёнки литой.
Внутри оператор в жилете,
Как в банку засунутый шмель,
Жужжит, выжигая, на Жече
Вчера не зажёванный хмель.
В песке ковыряются боги
Дорог, закатав рукава.
Им сахарная для подмоги
Цистерны дана голова.
В щегольской приплюснутой кепи,
Орёт по привычке прораб
У поля, где строится кемпинг,
Похожий на русский корабль.
Завидуя сельским конягам,
Пьёт грейдер из мутных лощин.
Неровно дышу я к бродягам,
Дорожный имеющим чин.
Шипя, расширяется трасса
Московская на Беларусь.
(Во все европейские царства,
Лишённые вкуса и чувств).
Распробуют хлеб пусть наш русский,
Такой же святой до сих пор.
Вон Велес, купец стародубский,
С улыбкой открыл светофор.
Фурычат довольные фуры,
Сигналил огнями фургон.
И зятя из литературы
Ждёт выгнанный мной самогон.
Пора бы уже килотонну
В торговый ввести оборот.
В кабину святую икону,
И лучший бензин под капот.
О чём и сказала ведунья,
Блеснувши нательным крестом.
Не может душа стародубья
Спокойно висеть над мостом.
У новых ворот, где бараны
Крошат кольцевые рога.
Под кнопки рычат автобаны,
Летя к ним с куском пирога.
Подмаслишь, так дальше поедешь;
В политике всё как в миру.
А та упоает на ересь
И лезет в любую дыру.

Мне сказано, кончится разом
В печёнках застрявший раздор.
Жаль, срок на камнях не указан
Московских и киевских гор.
То правда – взойдёт избавитель
Во свете сияющих глав,
Всерусский верховный правитель,
На стогны злачёные лавр,
Вернутся единые скрепы;
Прольётся державный елей
На сей Стародуб и на степи,
Как ручки у чаши морей.
На Русь половецкие бабы
Вернутся; плод давит скафандр.
Скитания их лишь этапы
Рожденья космических чад.
Не знаю, кем станут младенцы,
Коль рот зажимает сестра.
Все западники-западэнцы
Ощупывали их не зря.
Везде проявляется сера,
Где дан долгожданный обет.
Насколько сильна наша вера,
Ответит дорожный просвет.
Такие летят рассужденья,
Начертанные на шоссе.
Мы все накануне рожденья
Второго на той полосе.
Святой, пограничной и спорной,
Поющей и плачущей вдрызг.
На этой моей лукоморной
Частице молитвенных риз.
Тепло из оранжевой дежки,
Ползёт, превращаясь в хлеба.
И белка на ёлке орешки
Грызёт, как Перуна раба.
А горлица рядом воркует:
Всё та же – совет да любовь!
И сердце поэзию чувствует,
Во всём, что касается слов.
И шутку я вижу сестрицы
Вдруг в том, что в одном городке
Мелькнули из юности спицы
И руль в недоступной руке.
Конечно, придумывать глупо
Червовый мне свой интерес.
Хотя за дверьми Стародуба.
Полно и молитв, и чудес.
Пророчества тянут поводья
И русского шпорят коня.
Россия с времён Беловодья
Столица земного огня.